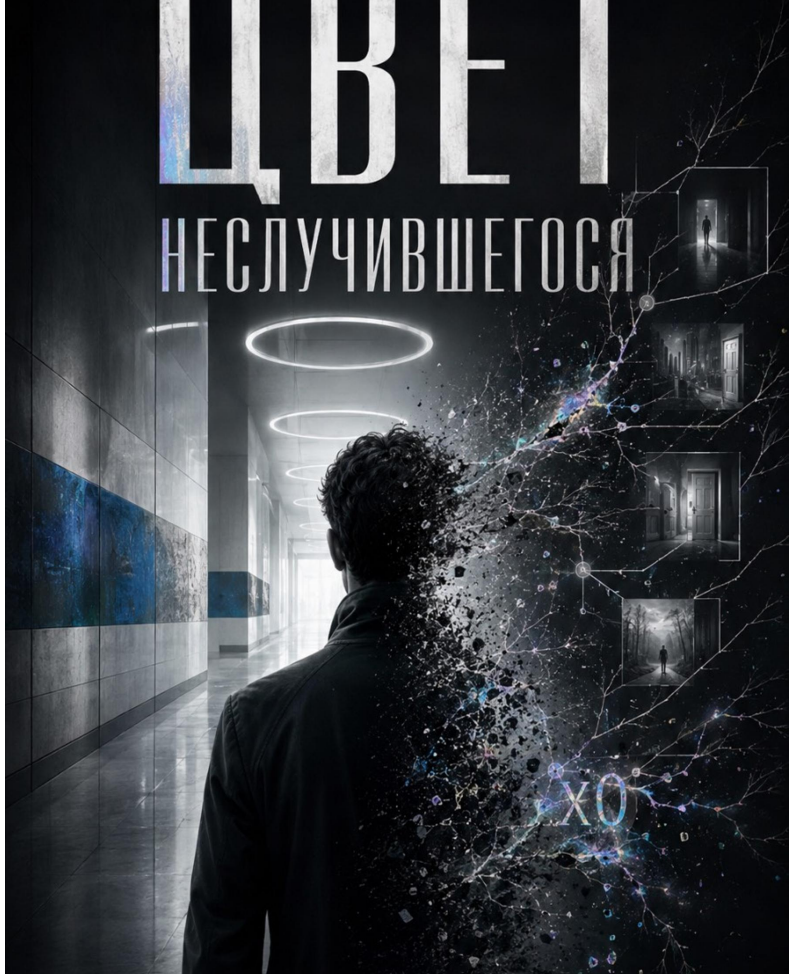

Ян Аверьянов

ЦВЕТ НЕСЛУЧИВШЕГОСЯ

Ян Аверьянов

Цвет неслучившегося

<https://litres.ru/74356978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Экспериментальная клиника научилась делать почти невозможное: возвращать к жизни тех, кому медицина больше ничего не обещает.

Но у каждого чуда есть цена.

После процедуры неизлечимо больные выздоравливают — и становятся пугающе предсказуемыми. А некоторые цвета начинают исчезать с вещей, связанных с решениями, которые когда-то могли изменить чужую жизнь.

Вера Ланская приезжает в клинику как страховой аудитор и случайно замечает то, чего замечать не должна. Лев Арсеньев, профессиональный колорист, однажды обнаруживает, что красное полотенце для всех остаётся красным — кроме него. Врачи уверяют, что с его зрением всё в порядке.

А потом Лев встречает человека, которого камеры каждый раз видят по-разному.

Расследование приводит Веру и Льва к вопросу куда опаснее любой болезни: что происходит с возможностями, которые мы однажды отвергли?

И если вернуть человеку один несостоявшийся вариант будущего — не придётся ли кому-то другому расплатиться своим?

Ян Аверьянов

Цвет неслучившегося

Глава 1

За право пройти по тоннелю Сергей Мельников заплатил сумму, которую в договоре запрещалось называть суммой.

Юрист клиники употребил выражение «совокупное финансовое участие». Банк назвал перевод инвестиционным. Жена Сергея назвала его последним шансом и подписала отдельную бумагу о том, что в случае смерти не будет требовать вскрытия в первые семьдесят два часа. Сам Сергей, прежде чем поставить подпись на двадцать седьмой странице, спросил только одно:

– А если не поможет?

Юрист поднял глаза от планшета.

– Тогда вам вернут деньги.

Сергей засмеялся. Рак поджелудочной железы сделал его смех коротким: три выдоха и пауза, в которой тело решало, стоит ли продолжать.

– Отличная гарантия.

Тоннель начинался за обычной дверью грузового лифта. Ни золота, ни стекла, ни запаха дорогой медицины. Белая плитка, серый наливной пол, кабели под потолком. Через каждые двадцать метров – синяя полоса на стене. Именно она почему-то раздражала Сергея сильнее всего. За такие

деньги можно было провести человека к бессмертию хотя бы по красивому коридору.

Сопровождавшая его медсестра шла на полшага впереди. На бейдже было написано «Мила», без фамилии.

– Долго ещё?

– Семь минут.

– Вы всем так точно отвечаете?

– Мы засекали.

Впереди появилась женщина в больничной одежде. Она стояла у стены лицом к синей полосе. Рядом лежала прозрачная трубка, смотанная в кольцо, будто ее вынули из аппарата и забыли убрать.

Сергей замедлил шаг.

Женщина наклонилась к стене и провела языком по синей краске.

– Эй, – сказал он.

Мила не остановилась.

– Не разговаривайте с пациентами после процедуры.

Женщина обернулась. Ей было около шестидесяти. На лице не было ни страха, ни смущения. Она посмотрела на Сергея с почти деловым интересом.

– Она безвкусная, – сказала женщина.

– Что?

– Синяя. Совсем.

Мила взяла Сергея под локоть.

– Продолжаем.

– У вас пациентка стену лижет.

– После седации бывает сенсорная спутанность.

Женщина за их спинами засмеялась.

– Да не стену я проверяю.

Сергей хотел спросить, что именно, но Мила уже открывала следующую дверь.

За ней начиналась другая клиника.

Стекло. Матовый металл. Свет без теней. В палате стояла капсула, похожая на горизонтальный томограф, только вместо кольца вокруг тела располагались десятки тонких прозрачных трубок. Они сходились к двум цилиндрам у пола. В одном циркулировала бесцветная жидкость. Второй был пуст.

– Это и есть лечение?

– Часть протокола.

– Что по трубкам идет?

– Поддерживающий раствор, продукты обмена, маркеры воспаления.

Сергей заметил, что она перечислила три вещи, но не сказала, в какую сторону они идут.

Он лёг сам. С этим у него всегда было хорошо: если уж решение принято, не надо устраивать вокруг него спектакль. Мила закрепила манжеты на предплечьях и голених. В вену вошла игла. Затем другая. Потом тонкая канюля под ключицей.

На стеклянной стене напротив вспыхнул текст:

ПОДТВЕРДИТЕ, ЧТО РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО ВАМИ
ДОБРОВОЛЬНО.

– Я уже шесть раз это подтвердил.

– Седьмой – непосредственно перед началом.

– Хорошо. Добровольно.

– Нужно нажать.

Он нажал зеленую область на экране.

Следующий вопрос появился без паузы.

ЕСЛИ БЫ НИКТО НИКОГДА НЕ УЗНАЛ О ВАШЕМ
РЕШЕНИИ, ВЫ БЫ ВСЁ РАВНО СОГЛАСИЛИСЬ?

Сергей нахмурился.

– Это что за психология?

– Контрольный вопрос.

Он подумал о жене. О сыне, который после диагноза впервые за пять лет приехал не просить денег. О фотографиях в деловых журналах, уже заранее похожих на некрологи. О том, как много людей знали, что Сергей Мельников всегда выигрывает.

Палец завис над экраном.

– А ответ влияет на процедуру?

– Да.

Он нажал «ДА».

В контрольной комнате за зеркальным стеклом Вера Ланская увидела, как число рядом с его фамилией изменилось с 0,61 на 0,18.

– Что это? – спросила она.

Доктор Марков рядом с ней не ответил сразу. Он смотрел не на пациента, а на график.

– Один из индексов пригодности.

– Каких именно?

– Вы приехали проверять исходы лечения, Вера Павловна. Не алгоритм отбора.

– Страховая компания попросила проверить всё, что влияет на исход.

– Ваша компания попросила решить, можно ли страховать наших пациентов после выписки. Это немного другое.

Вера записала число в блокнот. Бумажный: телефоны внизу забрали даже у аудиторов.

За стеклом трубки начали наполняться.

Сначала Вера решила, что движение ей показалось. Прозрачная жидкость шла к Сергею по верхним линиям. Но по четырем нижним что-то текло от него – тоже прозрачное, только воздух вокруг трубок слегка искажал свет, как над горячим асфальтом.

Пустой цилиндр у пола не заполнялся.

На его поверхности медленно возникал конденсат.

Доктор Марков произнес:

– Начали.

И синяя полоска на датчике насыщения вдруг стала серой.

Не мигнула. Не погасла. Просто перестала быть синей.

Вера моргнула.

Цвет вернулся.

Она ничего не сказала.

В тот момент ей казалось, что самым странным в этой комнате был прибор.

Через месяц ей придется признать: прибор был единственным, что вело себя нормально.

Глава 2

Лев Арсеньев зарабатывал на жизнь тем, что люди не замечали его работу.

Если зритель выходил из кино и говорил: «Какие красивые цвета», значит, режиссер или оператор переборщили. Если зритель ничего не говорил, а просто верил, что вечер в кадре всегда был таким – немного пыльным, с кожей на полтона теплее бетона и небом без рекламной синевы, – Лев получал следующую работу.

Он был колористом. Не художником, как думала его мать, и не человеком, который «делает фильтры», как объяснял его бывший тесть. В небольшой студии на третьем этаже бывшей типографии он мог два часа спорить с оператором о зеленом оттенке тени под подбородком и считать это нормальным рабочим днем.

В тот вторник спорить было не с кем.

Режиссер рекламного ролика опаздывал, продюсер присылал голосовые, а Лев крутил один и тот же кадр с девушкой у бассейна.

Проблема была в красном полотенце.

На исходнике оно было красным. Значения каналов под-

тверждали это: R – 187, G – 41, B – 38. Гистограмма выглядела нормально. Вектроскоп показывал красный сектор.

Полотенце было серым.

Лев сбросил LUT. Серое.

Открыл RAW в другой программе. Серое.

Подключил запасной монитор. Серое.

– Саша, – позвал он.

Из соседней комнаты высунулась голова монтажера.

– Если снова про кофе, я не виноват.

– Какого цвета полотенце?

– Красного.

Лев повернулся к нему.

– Точно?

– Ты сейчас проверяешь, можно ли меня увольнять по инвалидности?

– Подойди.

Саша сел рядом.

– Красное. Немного в мадженту. Кожа зеленит. И бассейн у тебя ядовитый.

– Бассейн не мой.

– Ну конечно. Всё хорошее твое, всё плохое сняли.

Лев открыл стоп-кадр на телефоне. Полотенце осталось серым.

– Здесь?

– Красное.

– Ладно.

– Что ладно?

– Ничего.

Саша посмотрел на него внимательнее.

– Ты опять не спал?

– Спал.

– С кем?

– Со своим превосходством. Оно храпит.

Саша ушел, удовлетворенный возвращением мира к привычному уровню раздражения.

Лев сделал то, что всегда делал при странной технической проблеме: перестал доверять себе и начал доверять приборам. Распечатал тестовую таблицу. Проверил спектрофотометром монитор. Открыл стандартную цветовую мишень.

Все оттенки были на месте.

Кроме одного квадрата.

Красного.

Он видел его как темно-серый.

К вечеру Лев записался к офтальмологу. На следующий день прошел тесты на цветоощущение, сетчатку, давление, поля зрения. Врач сказала, что глаза у него скучно нормальные и что это комплимент.

– А если один конкретный красный исчезает только на некоторых объектах?

– Тогда вы либо описываете очень необычное нарушение восприятия, либо очень обычную тревогу.

– Я не тревожный.

Врач улыбнулась так, как улыбаются людям, которые только что добровольно предоставили доказательство обратного.

На улице Лев специально смотрел на красное.

Автобус – красный.

Вывеска аптеки – зеленая.

Стоп-сигналы – красные.

Шарф женщины у перехода – красный.

Он почувствовал облегчение и сразу разозлился на себя за него.

Дома проблема ждала на холодильнике.

Фотография была старая, напечатанная на дешевой бумаге лет десять назад. Лев и Марина стояли на набережной в Лиссабоне. Марина держала его за воротник, потому что ветер сдувал капюшон. На ней было платье, которое он ненавидел – яркое, красное, слишком заметное. Марина именно поэтому его и любила.

Теперь платье было серым.

Лев снял фотографию с магнита и поднес к лампе.

Красный лак на ногтях Марины остался красным.

Красная вывеска кафе за ее плечом тоже.

Только платье потеряло цвет.

Он позвонил Марине, хотя не разговаривал с ней восемь месяцев.

Она ответила после пятого гудка.

– Кто умер?

– Почему обязательно кто-то должен умереть?

– Потому что ты звонишь, а не пишешь.

– У тебя было красное платье в Лиссабоне?

Пауза.

– Я передумала. Умер ты.

– Серьезно.

– Да. Было. Ты еще сказал, что в нем меня видно из космоса.

Лев посмотрел на фотографию.

– Почему ты его купила?

– А это следственная группа выясняет?

– Марин.

Она вздохнула.

– Я хотела его купить еще в Москве. Потом мама сказала, что в тридцать один такое носить смешно. Я не купила. Через неделю вернулась и взяла. Всё?

Лев ничего не ответил.

– Лев?

– Да.

– Что случилось?

Он посмотрел на серое платье, красные ногти и красную вывеску.

– Пока не знаю.

После разговора он нашел в облаке цифровой оригинал фотографии.

На экране платье было красным.

Он перевел взгляд на бумажный снимок.

Серым.

Затем цифровой файл мигнул.

Платье стало серым и там.

Лев отдернул руку от мыши.

Через секунду красный вернулся.

В метаданных файла появилось новое время изменения.

21:47.

Лев сидел перед монитором и смотрел на цифры.

В 21:47 он ничего с файлом не делал.

В 21:47 Марина сказала: «Я вернулась и взяла».

Глава 3

Через сорок три минуты после процедуры Сергей Мельников попросил кофе.

Это значилось в протоколе как хороший признак.

Через два часа он съел половину омлета. Через четыре прошел по коридору без обезболивающего. На следующий день опухолевые маркеры снизились настолько, что лаборатория повторила анализ. На третий томография показала изменения, которые врач из независимого центра назвал «статистически неприличными».

Вера сидела напротив Сергея на шестой день после лечения и чувствовала себя мошенницей.

Он выглядел здоровее, чем она.

Кожа перестала быть желтоватой. Плечи расправились. Даже голос стал глубже. На столе между ними лежала пачка

документов, в которых слова «спонтанная регрессия» встречались семь раз и ни разу не объясняли происходящее.

– Боль? – спросила Вера.

– Ноль.

– Тошнота?

– Нет.

– Слабость?

– Нет.

– Аппетит?

– Вы видели завтрак.

– Настроение?

Сергей задумался.

– Нормальное.

– Что значит нормальное?

– А что вы хотите, чтобы я сказал?

Вера подняла глаза.

Фраза была обычной. Но что-то в ней зацепило.

– Я ничего не хочу. Это ваш ответ.

– Тогда нормальное.

Она перевернула страницу.

– Есть ли желания, которые появились после процедуры?

– Каких желаний вы ожидаете?

Опять.

– Любых.

Сергей улыбнулся.

– Вернуться к работе.

– Почему?

– Потому что надо.

– Вам?

– Компании.

– Я спрашиваю, чего хочется вам.

В этот раз пауза длилась дольше.

Сергей посмотрел на ее ручку, потом на окно, потом на дверь.

– Нормальной жизни.

Вера записала ответ и поставила рядом маленький знак вопроса.

Перед уходом она попросила выбрать один из трех вариантов контрольного визита: понедельник утром, среду вечером или пятницу днем.

– Как вам удобнее, – сказал Сергей.

– Мне одинаково.

– Тогда понедельник.

– Почему понедельник?

– Чем раньше, тем лучше.

Формально всё было разумно.

Вера вернулась в аналитический отдел клиники и попросила выгрузку поведенческих анкет до и после процедуры. Молодой статистик по имени Егор ответил, что такой таблицы нет.

– Есть психологические опросники.

– Мне нужны сырые ответы.

- Они не входят в страховой аудит.
- Тогда дайте перечень показателей.

Егор поколебался и повернул ноутбук так, чтобы она видела экран.

Там было двадцать две переменные. Сон. Боль. Тревога. Когнитивная гибкость. Социальная мотивация. Способность к отсроченному вознаграждению.

И последняя строка:

PDI – Predictive Deviation Index.

- Индекс предсказуемого отклонения? – перевела Вера.
- Скорее индекс отклонения от предсказания.
- Чьего предсказания?
- Модели.
- Какой?

Егор посмотрел в сторону стеклянной двери.

- Внутренней.
 - Что она предсказывает?
 - Следующее действие человека.
- Вера подумала, что ослышалась.
- Какое действие?
 - Любое из доступных, если достаточно контекста.
 - И зачем это медицинской клинике?

Егор сказал слишком быстро:

- Для оценки комплаенса.
- Вы только что придумали ответ.

Он покраснел.

– Я не уполномочен обсуждать модель.

– Хорошо. Тогда покажите мне значения Мельникова.

Егор открыл карточку.

До процедуры PDI Сергея колебался между 0,54 и 0,67.

После – 0,04.

Вера наклонилась ближе.

– Это хорошо или плохо?

– Для прогноза – прекрасно.

– Для пациента?

Егор закрыл ноутбук.

– Никто не знает.

В тот вечер Вера позвонила матери.

Ирина Павловна ответила не сразу.

– Алло?

– Мам, это я.

– Я вижу.

Слова пока не исчезали полностью. Они становились неточными. Невролог называл это прогрессирующей первичной афазией и объяснял, что однажды мозг Ирины Павловны будет знать, что перед ним чашка, но не сможет достать слово «чашка». Потом исчезнут и более важные вещи.

– Как ты?

– Смотрю новости. Там опять эти люди.

– Какие?

– Которые... ну, ты понимаешь.

Вера не понимала, но сказала:

– Да.

Она делала так с детства. Мать ненавидела, когда ее заставляли повторять.

– Ты завтра приедешь?

Вера посмотрела на папку клиники.

В приложении к договору была программа экспериментального лечения нейродегенеративных состояний. Стоимость – чуть меньше квартиры матери. Для сотрудников партнеров предусматривалась квота.

– Приеду.

– Не поздно. Мне утром к этой женщине.

– К логопеду.

– Я знаю.

– Конечно.

– И волосы убери. У тебя на фотографии опять как у подростка.

Вера машинально коснулась челки.

– Хорошо.

После разговора она поймала себя на том, что открыла фронтальную камеру телефона.

Закрыла.

Через минуту снова открыла.

Потом достала ножницы из кухонного ящика.

Положила обратно.

На столе лежала брошюра клиники с фотографией синего круга на обложке.

Вера смотрела на круг секунд десять, прежде чем поняла, что видит его серым.

Глава 4

Оно впервые подошло к Льву в метро между «Технопарком» и «Автозаводской».

Позже он будет пытаться установить точное место по времени на телефоне, по длине перегона, по записи с камеры в вагоне. Это ничего не даст. На одной записи человек сядет рядом с ним до отправления поезда. На другой – появится в отражении окна уже в тоннеле. На третьей соседнее место всё время будет пустым.

В тот момент Лев просто заметил запах.

Не духи. Не кожа. Не табак.

Запах школьного коридора после родительского собрания: влажные куртки, мел, металлические батареи и что-то сладкое из столовой.

Он поднял голову.

Напротив сидел мужчина лет сорока. Или женщина. Эта неопределенность возникла не из-за внешности – внешность была вполне обычной, – а потому, что через секунду Лев уже не мог вспомнить, что именно видел.

Человек смотрел на него.

Лев отвернулся.

Через пару секунд посмотрел снова.

Лицо было знакомым.

Не «похожим на кого-то». Именно знакомым так, как бы-

вает знакомо выражение, которое видел тысячу раз: слегка поднятая бровь, угол рта, пауза перед оценкой.

– Мы знакомы? – спросил Лев.

Человек ничего не ответил.

Лев почувствовал раздражение. Это чувство было удобным. Оно возвращало предметам границы.

– Если да, можно пользоваться словами.

На лице напротив появилась почти улыбка.

Поезд вошел в тоннель. Стекло превратилось в зеркало.

В отражении рядом с Левом сидела его мать.

Не сейчас, в семьдесят два, а такой, какой она была, когда ему было четырнадцать. Тонкие губы, усталые глаза, тот самый взгляд перед фразой «ты опять всё делаешь специально».

Лев резко обернулся.

Напротив был незнакомец.

Он встал.

Двери еще не открылись.

– Сядьте, пожалуйста, – сказала женщина у двери. – Что вы толкаетесь?

Лев не заметил, что задел ее сумку.

Человек напротив тоже поднялся.

Они оказались лицом к лицу.

Глаза у него были серые. Через секунду карие. Потом Лев понял, что не может назвать цвет.

И произошло нечто унижительное.

Все голоса вокруг перестали иметь значение.

Не затихли. Он слышал объявления, скрип вагона, кашель, разговор подростков у двери. Но исчезла та часть сознания, которая мгновенно распределяла их по отношению к нему.

Кто смотрит.

Кто раздражен.

Кто считает его странным.

Кто заметил пятно на куртке.

Кто мог услышать его вопрос.

Кто сейчас расскажет кому-то, что в метро был псих.

Эта работа шла в голове всегда. Лев никогда не замечал ее, как не замечал холодильник, пока тот не выключался ночью.

Теперь она прекратилась.

Тело отреагировало раньше, чем он успел понять.

Сначала ударило тепло в живот. Потом мышцы свело так резко, что пришлось схватиться за поручень. Воздух вышел из легких. Волна прошла вверх, вниз, снова вверх – без сексуального образа, без желания, без прикосновения.

Оргазм был коротким и совершенно неуместным.

Лев прикусил губу, чтобы не издать звук.

Двери открылись.

Люди вышли.

Незнакомец стоял на платформе и смотрел на него сквозь стекло.

Лев остался в вагоне.

Когда поезд тронулся, он увидел, что женщина напротив недовольно поджимает губы.

Его сознание сразу вернулось к привычной работе.

Она видела?

Подростки заметили?

Он выглядит больным?

И вместе с этим вернулся стыд.

Лев сел.

На следующей станции вышел, поднялся на улицу и минут десять стоял у киоска, притворяясь, что выбирает воду.

Потом позвонил Саше.

– У тебя есть знакомый, который может достать запись из метро?

– После этой фразы я имею право не задавать вопросы?

– Нет.

– Тогда что ты сделал?

– Ничего.

– Это звучит хуже, чем если бы ты сказал «убил».

Через два дня Саша прислал три фрагмента.

На первом рядом со Львом сидел лысый мужчина в темной куртке.

На втором – женщина с короткими волосами.

На третьем место было пустым.

– Это разные камеры, – написал Саша. – Может, таймкод съехал.

Лев увеличил лицо мужчины на первом видео.

На секунду ему показалось, что он видит собственного отца.

Он закрыл файл.

Открыл второй.

Женщина была похожа на Марину.

Не лицом.

Тем, как она на него смотрела.

Глава 5

Доктор Марков не любил слово «чудо» по той же причине, по которой хирурги не любят слово «резать».

Оно было слишком удобным для людей, которые не собирались разбираться в механике.

– Мы не возвращаем молодость, – сказал он Вере. – Мы восстанавливаем диапазон физиологически допустимых состояний.

– Это предложение что-нибудь объясняет?

– В научной статье – да.

– Я не рецензент вашей статьи.

Они шли по нижнему уровню клиники. Здесь не было пациентов, только двери с номерами и сотрудники без фамилий на бейджах. Вера уже заметила, что чем глубже находился отдел, тем короче становились имена.

Марков приложил ладонь к считывателю.

– Вы хотели понять, почему мы измеряем поведение после процедуры.

– Я хочу понять, почему человек с практически неизлечи-

мым раком выходит отсюда с регрессией опухоли и индексом, который делает его предсказуемее кофейного автомата.

Марков усмехнулся.

– Кофейный автомат иногда выдает чай.

Дверь открылась.

За ней была не лаборатория, а комната наблюдения. За стеклом сидели шесть человек. Перед каждым стоял экран.

– Что они делают?

– Выбирают.

Первой участнице показали три фотографии чашек.

– Любую? – спросила Вера.

– Любую.

Женщина выбрала белую.

На следующем экране появились три маршрута до дома. Потом три блюда. Три благотворительных фонда. Три заголовка новости. Три варианта ответа на сообщение мужа.

Вера быстро поняла, что вопросы различались по цене решения. Чашка ничего не значила. Сообщение мужу – возможно, всё.

– Модель знает контекст?

– Частично.

– И насколько хорошо угадывает?

– У обычного взрослого – от шестидесяти двух до семидесяти процентов в зависимости от класса выбора.

– Это уже много.

– У людей после полного протокола бывает девяносто во-

семь.

Вера перестала смотреть на экраны.

– Девяносто восемь процентов чего?

– Следующих решений.

– Это невозможно.

– Очевидно, нет.

– Вы считаете это побочным эффектом лечения?

Марков посмотрел на нее спокойно.

– Мы считаем это ценой.

Вера почувствовала знакомое раздражение на людей, которые дают половину ответа и ждут, что собеседник оценит драматургию.

– Ценой чего?

– Того, что мы не лечим болезнь в обычном смысле.

Он провел ее дальше, в небольшую аудиторию. На стене висел график: множество тонких линий расходились от одной точки, затем большинство обрывалось, а несколько продолжались.

– Представьте, что человеческий организм в каждый момент способен перейти не в одно следующее состояние, – сказал Марков. – Не квантовая мистика. Обычная биология. Иммунная система может отреагировать сильнее или слабее. Клетка может восстановить повреждение или не восстановить. Человек может сегодня пройти лишние пятьсот метров или остаться дома. Миллиарды микроскопических развилки.

– Это вероятность.

– Да. Но вероятность не только до события. После события она оставляет структуру.

– Какую?

– Вот тут начинается часть, которую страховые аудиторы обычно ненавидят.

– Попробуйте меня расстроить.

Марков нажал кнопку. На графике одна из оборванных линий вновь засветилась.

– Мы научились ненадолго восстанавливать доступ к состоянию, которое уже перестало быть наиболее вероятным.

– Вы хотите сказать, возвращаете организм к другой траектории?

– Нет. Прошлое не меняется. Мы не перемещаем человека в альтернативную вселенную. Никаких других вселенных нам не требуется. Мы восстанавливаем допустимость некоторых переходов, которые система уже практически закрыла.

– Например, перехода от опухоли к ее регрессии.

– Например.

– И откуда берется эта... допустимость?

Марков впервые отвел взгляд.

– Вот это хороший вопрос.

– Настолько хороший, что вы не хотите отвечать?

– Настолько хороший, что у нас пока несколько ответов.

Вера вспомнила цилиндр у пола, который не наполнялся ничем видимым.

– А трубки?

– Поддерживают тело, пока мы расширяем окно состояний.

– Я видела поток от пациента.

– Вы видели движение теплоносителя и плазмофильтрата.

– Что забирается из человека?

Марков помолчал.

– Возможно, неправильный вопрос.

– Я сама решу.

– Тогда запишите еще один показатель. Мы называем его остаточной вариативностью.

Вера открыла блокнот.

– Формула?

– Формулу я вам пока не дам.

– Определение.

– Способность системы породить действие, которое нельзя полностью вывести из ее предыдущего состояния и внешнего давления.

Вера медленно записала.

– Это вы сейчас определили свободу воли?

– Нет. Я определил то, что умеет измерять наш алгоритм. Не надо давать прибору больше философии, чем у него есть.

– И после лечения показатель падает.

– Иногда.

– У Мельникова почти до нуля.

– Да.

– Вы спасли ему жизнь и забрали способность менять ее?

Марков посмотрел через стекло на женщину, выбиравшую ответ мужу.

– Если бы всё было настолько просто, я бы закрыл клинику сам.

Вера хотела спросить, что может быть сложнее.

На экране участницы появилось сообщение:

«Мама снова просит приехать в воскресенье. Мы договаривались провести день вдвоем. Что ответишь?»

Три варианта.

Женщина выбрала второй.

Программа отметила его зеленой галочкой еще за долю секунды до прикосновения пальца.

Вера увидела это совершенно отчетливо.

– Она еще не нажала.

– Знаю.

– Галочка появилась раньше.

– Знаю.

– Почему?

Марков выключил экран.

– Потому что иногда мы не предсказываем выбор.

Он повернулся к Вере.

– Иногда выбора уже нет.

Глава 6

Лев две недели пытался доказать себе, что красное платье Марины не имеет никакого отношения к метро.

Получалось плохо.

Он начал с того, что составил таблицу. В первой колонке – предмет. Во второй – оттенок. В третьей – человек, которому предмет принадлежал. В четвертой – история. Таблица быстро стала выглядеть как документ, который психиатр мог бы использовать вместо беседы.

Красное платье Марины.

Желтая кружка Саши, которую тот купил после увольнения из банка.

Зеленая дверца шкафа в квартире матери. Когда Льву было девять, она хотела перекрасить кухню, но отец сказал, что зеленый выглядит дешево. После развода мать всё-таки перекрасила одну дверцу и на этом остановилась.

Синяя обложка старой тетради самого Льва, где в семнадцать лет он записывал адреса художественных училищ. Он ни в одно не подал документы.

Последний пункт заставил его закрыть таблицу.

Он поступил на экономический. Через год бросил. Потом учился на монтаже, потом пришел в цветокоррекцию. Художественное училище ничего бы ему не дало, решил он. Значит, никакой трагической непрожитой жизни здесь нет.

Синяя обложка оставалась серой.

Лев отвез тетрадь в лабораторию к знакомой Саши – физику Аде Козиной, которая работала с музейными пигментами и относилась к просьбам друзей как к внезапным нападениям на расписание.

– Я не буду диагностировать тебе зрение через спектрометр, – сказала она.

– Я уже был у врача.

– Тогда тем более.

– Просто измерь.

Ада положила обложку под прибор.

– Отражение соответствует синему пигменту. Ультрама-
риновая зона нормальная. Ничего необычного.

– Ты видишь синий?

– Да.

– Сфотографируй.

Она сфотографировала на свой телефон.

– Синий.

Передала экран Льву.

Для него обложка была серой.

– А теперь странная часть, – сказал он.

– До этого была нормальная?

– Смотри.

Он открыл фотографию на своем телефоне. Серый.

Ада взяла телефон у него из рук.

– Синий.

Они замолчали.

– Значит, дисплеи показывают разное, – сказала она.

– Один и тот же дисплей.

Ада снова посмотрела на его экран, потом на него.

– Лев, прежде чем мы начнем изобретать новую физику,

я хочу задать неприятный вопрос. Ты принимаешь что-нибудь?

– Только решения, которые потом оспариваю.

– Я серьезно.

– Нет.

Она поставила телефон на стол.

– Тогда придется делать скучную вещь. Повторять эксперимент.

Они повторили его двадцать три раза.

Меняли освещение. Экраны. Камеры. Цветовые пространства. Смотрели через зеркало, поляризационный фильтр, матовое стекло. Ада видела синюю обложку. Лев – серую.

На двадцать четвертом повторе Ада внезапно сказала:

– Подожди.

– Что?

– Сейчас серый.

Лев посмотрел на нее.

– Где?

– Тетрадь.

– Что изменилось?

Ада нахмурилась.

– Ничего.

Через несколько секунд она снова увидела синий.

Лев записал время.

18:12.

В 18:14 ему пришло сообщение от матери.

«Нашла твои рисунки. Выбросить?»

Он посмотрел на сообщение и неожиданно вспомнил то, о чем не думал много лет.

Когда ему было семнадцать, отец принес домой буклет экономического факультета. Лев сказал, что подаст документы в художественное училище. Отец не запрещал. Он даже не спорил. Просто посмотрел на него и спросил:

«Тебе обязательно каждый раз доказывать, что ты не такой, как все?»

На следующий день Лев выбросил заявление.

Не потому, что передумал.

И не потому, что согласился с отцом.

Он не подал его именно для того, чтобы отец не мог считать его решение подростковым вызовом.

То есть отец всё равно определил выбор.

Только с другой стороны.

Лев сел на лабораторный стул.

– Как называется, когда ты делаешь не то, чего от тебя хотят, но всё равно из-за того, чего от тебя хотят?

Ада посмотрела на него поверх очков.

– Взросление, если тебе повезло заметить.

– Очень смешно.

– Я не шутила.

Лев ответил матери: «Не выбрасывай».

Синяя обложка тетради стала чуть темнее.

Ада ничего не заметила.

Глава 7

Ирина Павловна отказалась от клиники сразу.

– Нет.

– Ты даже не дослушала.

– Потому что ты говоришь голосом, которым продаешь людям страховку.

– Я не продаю страховку.

– Именно поэтому у тебя этот голос особенно смешной.

Они сидели на кухне. На столе остывала запеканка, которую Ирина Павловна всегда пересушивала и никогда не признавала этого. Вера привезла буклет клиники, распечатки исследований и форму предварительной заявки. Всё лежало в сумке.

– Есть экспериментальная программа по твоему диагнозу.

– Нет.

– Там хорошие результаты.

– У тебя волосы опять лезут в глаза.

Вера раздраженно заправила прядь за ухо и тут же заметила движение.

Мать ничего не сказала.

Вера вынула руку из волос.

– Mam, я серьезно.

– И я. Я не хочу быть лабораторной... как это...

– Крысой.

– Я знаю слово.

Вера промолчала.

– Не поправляй меня, – сказала Ирина.

– Я не поправляла.

– Ты подумала.

– Этого я пока не умею не делать.

Мать отвернулась к окну.

Болезнь делала их отношения хуже и честнее одновременно. Раньше Ирина Павловна могла часами объяснять дочери, почему та неправильно устроила жизнь. Теперь длинные конструкции распадались, и оставались короткие формулы.

«Не нравится».

«Не надо».

«Ты опять».

Вере иногда казалось, что болезнь снимает с матери слой воспитания и оставляет чистое недовольство.

Потом ей становилось стыдно за эту мысль.

– У тебя есть шанс замедлить процесс, – сказала Вера. – Возможно, вернуть часть функций.

– Сколько стоит?

– Есть квота.

– Сколько стоит?

Вера назвала сумму.

Ирина Павловна засмеялась.

– За эти деньги можно купить мне хорошее слово.

– Какое?

– Не знаю. Какое я забуду последним.

Это была удачная шутка. Вера поняла, что должна улыбнуться. Не улыбнулась.

– Я видела пациента с терминальным раком. У него регрессия.

– И?

– Это работает.

– Тогда лечись сама.

– От чего?

Мать посмотрела на нее долго и почти доброжелательно.

– Найдешь.

Вера ушла раньше, чем собиралась.

В машине она десять минут сидела с выключенным двигателем. Слова матери крутились в голове не потому, что были мудрыми, а потому, что точно попали в старую систему координат: Ирина оценила, Вера отреагировала.

Она открыла телефон, нашла фотографию себя на кухне матери – сделанную месяц назад. Синие серьги, подарок коллеги, были серыми.

Вера увеличила снимок.

Серый металл.

Она сняла серьгу с уха. В руке она была синей.

На фотографии – серой.

Вера включила камеру и сфотографировала серьгу.

Синяя.

Открыла старое фото.

Серая.

Снова сфотографировала.

Синяя.

Она вспомнила, как покупала эти серьги. Коллега вручила сертификат и сказала: «Тебе надо иногда носить что-то заметное». В магазине Вера хотела выбрать желтые. Потом представила, как мать скажет, что желтый дешевит кожу, и взяла синие.

Вера посмотрела на серьгу в ладони.

– Чушь, – сказала она вслух.

За стеклом машины по парковке прошла женщина в желтом пальто.

Пальто было настолько ярким, что Вера почти рассердилась.

Она завела двигатель и поехала обратно к клинике.

В этот раз на проходной попросила не Маркова.

– Мне нужен человек, который занимается вашим индексом вариативности.

Администратор уточнила фамилию.

Вера повторила:

– Не знаю фамилию. Мне нужен тот, кто придумал изменение.

Через сорок минут в переговорную вошла невысокая женщина с седыми волосами, тяжелым серебряным кольцом на большом пальце и выражением лица человека, которого отвлекли от гораздо более интересной задачи.

– Ананья Рао, – сказала она. – Нейрокогнитивная группа.

– Вы придумали PDI?

– Нет. Я придумала, почему ему нельзя доверять.

Вера впервые за неделю почувствовала, что разговор может оказаться полезным.

Глава 8

Ананья Рао говорила по-русски почти без акцента и с интонацией преподавателя, который давно перестал надеяться, что студенты прочитают статью до семинара.

– Вы видели исчезновение цвета? – спросила она.

Вера не ответила.

Рао кивнула.

– Значит, видели.

– Откуда вы знаете?

– Потому что люди начинают задавать вопросы о вариативности только после двух вещей. После необъяснимого улучшения здоровья и после цвета. Здоровье вы уже наблюдали.

Вера положила телефон на стол.

– На фотографии серьги серые. В реальности – синие.

– Они ваши?

– Да.

– Выбор был ваш?

– Это допрос?

– Нет. На допросе я была бы вежливее.

Вера рассказала про магазин.

Рао слушала без комментариев.

– Можно увидеть снимок?

Вера открыла фотографию.

– Синие, – сказала Рао.

– Для вас.

– Хорошо.

Она попросила отправить файл на лабораторный сервер. Через несколько минут на экране появился спектральный анализ изображения. Пик синего канала был на месте.

– Значит, проблема в восприятии.

– Не совсем.

Рао загрузила другую программу и включила модель машинного описания изображения.

На экране появилось: «Женщина на кухне, темные волосы, сережки серого цвета».

Вера перечитала строку.

– Модель тоже видит серый.

– Эта – да.

– Почему?

Рао открыла вторую модель.

«Синие серьги».

Третью.

«Металлические серьги, цвет не определен».

– Мы три года спорим, является ли это ошибкой измерения, – сказала Рао. – Проблема в том, что ошибка ведет себя социально.

– Что это значит?

– Некоторые системы дают ответ в зависимости от того, на чьих данных они обучены, кто запрашивает результат и какой контекст связан с объектом. Физические значения цвета сохраняются. Но доступность цвета для интерпретации меняется.

– «Доступность цвета» звучит как способ ничего не объяснить.

– Так и есть. Это рабочее выражение.

Вера посмотрела на сережку в старой фотографии.

– Почему именно цвета?

– Не знаем. Возможно, цвет – побочный канал. Возможно, мы просто замечаем его легче всего. Если у стула изменится вероятность того, что вы на него сядете, вы не скажете: «У стула исчезло пять процентов причинности».

– Причинности?

Рао откинулась на спинку стула.

– Марков уже рассказал про восстановление закрытых физиологических состояний?

– Да.

– Он всегда начинает с тела. Так людям спокойнее.

– А с чего надо начинать?

– С того, что закрываются не состояния тела. Закрываются продолжения.

Вера молчала.

– Представьте дерево решений, – продолжила Рао. – Только не в компьютерном смысле. Каждое действие не созда-

ет отдельную вселенную. Оно меняет пространство следующих возможных действий. Вы вышли из дома на десять минут позже – не появилось второе мироздание, где вы вышли раньше. Но ваша система причин и ограничений стала другой.

– Очевидно.

– Не совсем. Мы обнаружили, что некоторые отвергнутые продолжения оставляют измеримый след. Не энергию. Не материю. Скорее остаточную доступность.

– И клиника ее использует.

– Клиника научилась заставлять организм вести себя так, будто определенные продолжения еще не полностью закрыты.

– За счет чего?

Рао посмотрела на дверь.

– Марков не разрешил вам эту часть.

– Мне не нужен его допуск.

– В этой комнате нужен.

– Тогда зачем вы со мной разговариваете?

– Потому что вы уже видите серые серьги. После этого человек либо начинает строить религию, либо ищет данные. Я предпочитаю второе.

Вера постучала ногтем по столу.

– Я не верю в сущности, карму и энергетических паразитов.

– Отлично. Я тоже.

– Вы из Индии и у вас за спиной книга про Упанишады.
Рао повернулась к полке.

– Еще у меня есть инструкция к центрифуге. Я не поклоняюсь центрифуге.

Вера впервые улыбнулась.

Рао продолжила:

– Древние системы интересны не потому, что они «всё знали». Они не знали. Но люди давно замечали, что поступок иногда действует дольше самого поступка. В индийской философии есть разные способы говорить о следах действий – самскарах, карме, в некоторых школах об апурве как о невидимой связующей силе действия и результата. Нельзя просто взять эти слова и объявить их нашей физикой. Это было бы дешевым фокусом. Но история человеческих попыток описать причинность полезна хотя бы тем, что показывает: мы очень любим превращать механизм в мораль.

– «Ты поступил плохо, поэтому тебя наказали».

– Именно. Гравитация не судит человека, который выпал из окна.

– А это?

Рао ответила не сразу.

– Я не уверена, что «это» вообще различает людей так, как различаем их мы.

– Что значит «это»?

Рао вздохнула.

– Вот теперь у нас проблема.

Она встала, подошла к шкафу и достала тонкую папку без маркировки.

Внутри лежали фотографии лиц.

На первой – мужчина в метро.

Вера почувствовала неприятное узнавание. Не конкретного человека. Манеры смотреть.

– Кто это?

– Если бы вы спросили двадцать людей, получили бы двадцать ответов.

– Фотография одна.

– Да.

– Тогда ответы должны совпасть.

– Не совпадают.

Вера перевернула снимок.

На обороте было написано от руки:

**ОБЪЕКТ НЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАН. ВНУТРЕННЕЕ
ОБОЗНАЧЕНИЕ: НОЛЬ.**

– Почему ноль?

– Потому что каждый раз, когда мы включаем его в модель, предсказание становится хуже случайного.

Глава 9

Лев согласился встретиться с Адой в кафе только потому, что она отказалась обсуждать результаты по телефону.

– Я нашла еще троих, – сказала она вместо приветствия.

– Троих кого?

– Людей, у которых исчезают цвета.

Лев сел.

– Ты кому-то рассказала?

– Я спросила коллег, встречали ли они спектрально нормальные объекты с субъективно отсутствующим оттенком. Один решил, что я пишу грант, и прислал мне странные кейсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.